

ГЛАВА ВТОРАЯ ДЕТСТВО ПЕТРА

В марте 1669 года, когда царю Алексею было сорок лет, а его первой жене, царице Марии Милославской, на четыре года больше, она умерла при попытке в очередной раз исполнить свое главное династическое предназначение — произвести на свет ребенка. Ее безутешно оплакивал не только муж, но и многочисленные родственники - Милославские, чье влияние при дворе опиралось на брак Марии с царем. Теперь этому влиянию пришел конец, и сквозь слезы об ушедшей сестре и племяннице они с тревогой вглядывались в будущее.

И оснований для тревоги у них хватало — ведь, несмотря на все старания Марии, твердой уверенности, что трон унаследует представитель рода Милославских, не было. Между тем за двадцать один год замужества Мария сделала для этого все возможное: родила тринадцать детей — пятерых сыновей и восемь дочерей - и умерла, рожая четырнадцатого ребенка. Однако сыновья Марии не отличались крепким здоровьем, и из четверых, переживших мать, уже через полгода двоих не стало, в том числе и шестнадцатилетнего наследника престола, названного Алексеем в честь отца. Таким образом, у овдовевшего царя от брака с Милославской осталось только двое сыновей, но их здоровье, к несчастью, тоже внушало опасения. Десятилетний Федор

34

был слаб и хил, а трехлетний Иван заикался и плохо видел. Если бы оба умерли раньше отца или пережили его совсем ненадолго, то путь к престолу оказался бы открытым, и, как знать, кто рванулся бы к нему? Словом, вся Россия, кроме Милославских, надеялась, что Алексей вскоре женится вновь.

Само собой разумелось, что, подыскивая новую супругу, царь остановит свой выбор на девице из знатного русского рода, а не на какой-нибудь иностранной принцессе на выданье. Династические браки, преследующие государственные интересы, были в XVII веке приняты почти по всей Европе, но в России подобной практики безгласно избегали. Русскому царю подобало иметь русскую жену, или, правильнее сказать, православному царю полагалась православная царица. Русское духовенство, бояре, купцы и простой народ пришли бы в ужас, если бы увидели, как вслед какой-нибудь иноземной принцессе к ним пожаловали католические или протестантские священники, — не иначе чтобы извратить чистую православную веру. Этот принцип почти полностью ограждал Россию от иностранного влияния и одновременно вызывал острейшее соперничество между теми знатными русскими родами, из лона которых могла бы выйти новая царица.

Через год после смерти Марии Милославской Алексей нашел ей преемницу. Тоскующий и одинокий, он часто приходил скоротать вечер к своему близкому другу и первому министру, ближнему боярину Артамону Матвееву — человеку необычному для Московии XVII века. По происхождению Матвеев не принадлежал к высшему боярскому сословию, но достиг власти благодаря собственным заслугам. Он интересовался науками и тяготел к западной культуре. На приемах, которые он регулярно устраивал в своем доме для иностранцев — жителей или гостей Москвы, Матвеев обстоятельно и толково расспрашивал их о новостях политики, о развитии искусств и техники у них на родине. И именно в Немецкой слободе под Москвой, где обязали селиться всех инозем-

35

дев, он нашел себе жену - Марию Гамильтон*, дочь шотландского роялиста, покинувшего Британию после казни Карла I и победы Кромвеля.

В Москве Матвеев с женой старались жить по-европейски, не отставая от века. На стенах у них висели не только иконы, но и картины и зеркала; в инкрустированных шкафчиках красовался восточный фарфор, в комнатах стояли часы с мелодичным звоном. Матвеев

изучал алгебру и производил в самодельной лаборатории химические опыты, а в его маленьком домашнем театре давались концерты, ставились комедии и трагедии. Москвичей, приверженных дедовским традициям, возмущало поведение жены Матвеева. Она носила европейские платья и шляпки; она, в отличие от большинства московских жен, отказывалась сидеть затворницей на верхнем этаже мужнина дома и свободно появлялась среди гостей — усаживалась вместе с ними за стол, а иногда даже вступала в беседу!

На одном из таких непринужденных вечеров, в присутствии этой необычной женщины — жены боярина Матвеева, царь Алексей заметил другую замечательную женщину. Это была жившая в доме Матвеева девятнадцатилетняя Наталья Нарышкина — высокая статная девушка с черными глазами и длинными ресницами. Ее отец, Кирилл Нарышкин, довольно безвестный помещик родом из татар, жил в Тарусском уезде, в отдалении от Москвы. Мечтая избавить дочь от провинциальной жизни мелкопоместного дворянства, Нарышкин уговорил Матвеева оказать ему дружескую услугу: принять Наталью под опеку и воспитать ее в атмосфере культуры и свободы, царившей в доме московского министра. И

* Жenu А. С. Матвеева звали Евдокия Григорьевна (урожденная Гамильтон), а Марией Гамильтон звалась камер-фрейлина Екатерины I. См. Литературное наследство. Т. 91: Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 77. - *Ред.*

36

Наталья сумела использовать открывшиеся ей возможности. Для русской девушки она была хорошо образована, к тому же, наблюдая за своей приемной матерью и помогая ей, она научилась занимать гостей-мужчин.

И вот однажды вечером, когда в гостях у Матвеевых был царь, Наталья появилась в комнате, чтобы поднести собравшимся чарки с водкой, икру и копченую рыбу. Алексей не спускал глаз с девушки, очарованный ее здоровой, яркой красотой, черными миндалевидными глазами и лишенным жеманства, скромным поведением. Когда Наталья остановилась перед ним, и он стал ее о чем-то спрашивать, в ее кратких ответах было столько учтивости и здравомыслия, что царь еще больше к ней расположился. Прощаясь с Матвеевым, заметно прибодрившийся Алексей спросил, не ищет ли тот мужа для этой прелестной девицы. Матвеев сказал, что ищет, но поскольку ни он сам, ни Наталья родной отец богатством похвалиться не могут, то приданое у нее будет скромное, а потому и охотников жениться на ней, конечно, найдется немного. Алексей возразил, что не перевелись еще мужчины, для которых совершенства девушки важнее ее приданого, и обещал боярину посодействовать.

Вскоре царь осведомился у Матвеева, как обстоят дела. «Государь, - отвечал Матвеев, — молодые люди что ни день приходят полюбоваться красотой моей восгн-танницы, но, похоже, ни один не помышляет о свадьбе». «Ну-ну, тем лучше, — молвил царь. — Может быть, мы обойдемся и без них. Я оказался удачливее тебя и нашел жениха, который, возможно, придется ей по вкусу. Это весьма почтенный человек и мой добрый знакомый. Он не лишен достоинств и к тому же не нуждается в приданом. Он полюбил твою подопечную и хотел бы жениться на ней и составить ее счастье. Хотя он еще не открыл ей своих чувств, она его знает и, надо думать, не отвергнет его предложение». Матвеев отвечал, что Наталья, конечно, не отвергнет того, кого ей предложит

37

государь, и продолжал: «Однако, прежде чем дать согласие, она уже наверно пожелает узнать, кто этот человек, и против этого, по-моему, трудно возражать». «Что ж, — объявил Алексей, — скажи ей, что это я сам, и что я надумал на ней жениться»^{1*}.

Матвеев, ошеломленный услышанным, бросился в ноги своему повелителю. Он сразу осознал все возможные последствия царского решения — и блистательные перспективы, и неисчислимые опасности. Если воспитанница взойдет на престол, то окончательно укрепится и его собственное положение: ее родственники и друзья, и в первую очередь сам Матвеев, возвысятся вместе с нею и сменят Милославских как силу, заправляющую при дворе. Но при этом яростно вспыхнет враждебность Милославских, как и зависть многих других влиятель-

ных боярских семейств, которые и так уже косо поглядывают на Матвеева, царского любимца. И если после оглашения имени невесты свадьба почему-либо сорвется, то ему, Матвееву, придет конец.

Быстро смекнув что к чему, он попросил Алексея, чтобы тот, не отступаясь от своего намерения, все же

* Весь эпизод знакомства будущих родителей Петра Великого автор взял из знаменитых «Подлинных анекдотов о Петре Великом» академика Якоба Штелина (1709-1785). Новелла «Особенные обстоятельства второго бракосочетания царя Алексея Михайловича с Натальею Кирилловною Нарышкиною» записана Штелным со слов графини М. А. Румянцевой — внучки А. С. Матвеева. Это и есть единственный источник информации об этом эпизоде.

Читателю следует иметь в виду, что цитаты в книге даются по разнообразным источникам, которые можно условно свести в три группы: 1) подлинные документы эпохи на русском языке — воспроизведены по русским публикациям источников; 2) иноязычные источники — дневники, письма, мемуары, — переведенные на русский язык в XVIII—XIX вв.; 3) иноязычные источники, прежде на русский язык не переводившиеся. Отсюда некоторые, порой весьма сильные, лексические, стилистические и прочие различия в цитируемых отрывках. — *Ред.*

38

согласился на освященную обычаем процедуру принародного выбора невесты. Этот обычай, пришедший из Византии, требовал, чтобы девицы брачного возраста со всех концов России собрались бы в Кремле и предстали перед царем. Теоретически они должны были представлять все сословия русского общества, включая и крепостных, но на деле волшебная сказка, в которой царь, взглянув на крепостную девушку, был бы ею покорен и возвел бы зардевшуюся красавицу по ступеням трона, ни разу не стала явью. Однако девушки из незнатных дворянских семей входили в круг претенденток, и происхождение Натальи Нарышкиной вполне позволяло ей участвовать в смотринах. При дворе перепуганные девицы, пешки в честолубивой игре семейных кланов, подвергались освидетельствованию на предмет целомудрия. Тех, кто выдерживал испытание, вызывали в Кремлевский дворец ожидать улыбки или просто кивка от юноши или мужчины, который мог возвести одну из них на престол.

В столь крупной игре риск всегда высок, и примеров тому предостаточно. Тот же XVII век уже показал, на что способны пойти рвущиеся к власти семейства ради устранения соперницы. В 1616 году Мария Хлопова, нареченная девятнадцатилетнего Михаила Романова, до того встала поперек горла Салтыковым, имевшим тогда огромный вес при дворе, что они опоили девушку каким-то зельем и в таком виде представили ее Михаилу, заявив, что она неизлечима больна, а потом в наказание за дерзость сослали незадачливую невесту, а заодно и всю ее родню в Сибирь. В 1647 году уже сам Алексей — тогда ему было восемнадцать лет — хотел жениться на Ефимии Всеволожской. Но, обряжая невесту, уОирав-шие ее женщины так туго стянули ей волосы, что на глазах у жениха она упала в обморок. Придворных врачей заставили показать, что у Ефимии падучая, и ее вместе с родственниками тоже отправили в Сибирь. Мария Милославская стала следующей, второй избранницей Алексея.

39

Теперь же опасность угрожала Наталье Нарышкиной и ее опекуну. Милославские понимали, что если царь выберет Наталью, их влияние при дворе будет подорвано. Такой поворот событий неизбежно отразится на всех членах этой семьи — как на мужчинах, занимавших высокие посты и обладавших большой властью, так и на женщинах: все царевны, дочери Алексея, были по матери Милославские, и их отнюдь не радовало появление новой царицы-мачехи, которая вдобавок будет моложе некоторых своих падчериц.

Однако Наталье с Матвеевым отступать было некуда: царь был настроен решительно. Уже объявили, что 11 февраля состоятся предварительные смотрины претенденток, и Наталье Нарышкиной приказали в них участвовать. Вторые смотрины, которые должен был проводить сам царь, назначили на 28 апреля. Но вскоре после первого тура прошел слух, что выбор уже сделан — в пользу Натальи. Последовал ответный удар Милославских: за четыре дня до вторых смотрин в Кремле появились подметные письма, в которых говорилось, будто Матвеев использовал приворотное зелье, чтобы привлечь царя к своей воспитаннице. Началось дознание, и свадьбу отсрочили на девять месяцев. Но доказать

ничего не удалось, и 1 февраля 1671 года, к радости большинства россиян и к досаде Милославских, царь Алексей наконец обвенчался с Натальей Нарышкиной.

С самого дня свадьбы всем стало ясно, что царь, которому исполнился сорок один год, пылко влюблен в свою юную, красивую, черноволосую жену. Она принесла в его дом свежесть, радость, успокоение — Алексей как будто заново родился. Он хотел, чтобы Наталья все время была рядом, и повсюду брал ее с собой. Первую весну и лето после свадьбы счастливые молодожены без конца переезжали из одного подмосковного летнего дворца в другой; жили они и в Преображенском, где Алексей развлекался соколиной охотой.

С появлением новой царицы при дворе начались

40

перемены. Благодаря полузападному воспитанию, полученному в доме Матвеева, Наталья питала слабость к музыке и театру. Когда-то в самом начале своего правления Алексей издал указ, сурово запрещающий подданным танцевать, участвовать в игрищах или взирать на них, воспрещалось петь и играть на музыкальных инструментах во время свадебных пиров, а также губить свою душу такими вредоносными и противозаконными занятиями, как пение частушек, посещение балаганов и колдовство. Нарушивших указ в первый и второй раз было приказано бить розгами; нарушивших в третий и в четвертый раз — ссылат в пограничные городки². Однако когда Алексей женился на Наталье, у них на свадьбе играл оркестр, и непривычные русскому уху многозвучные западные аккорды смешивались с одnogолосными напевами русского хора. Результат был далек от совершенства. По словам доктора Коллинза, какофония при этом стояла такая, «словно под свист ветра вопит целая стая сов, надрываются галки в гнезде, воют голодные волки и оглушительно визжат свиньи».

Вскоре царь начал оказывать покровительство театру. Чтобы порадовать молодую жену, он стал поощрять сочинение пьес и велел соорудить сцену и зрительный зал в пустовавшем боярском доме в Кремле; еще один театр — «комедийная хоромина» - был построен в летней царской резиденции в Преображенском. Матвеев поручил лютеранскому пастору из Немецкой слободы, Иоханесу Грегори, набрать актеров и ставить спектакли. К 17 октября 1672 года было подготовлено первое представление — драма на библейский сюжет, — которое и состоялось в присутствии царя и царицы. В нем было занято шестьдесят актеров — почти все иностранцы, за исключением нескольких русских мальчиков и юношей, служивших при дворе. Представление длилось целый День, и царь смотрел его десять часов кряду, не сходя с места. Вскоре последовала постановка еще четырех пьес и двух балетов.

41

Счастье царя в новом браке стало еще полнее, когда осенью 1671 года он узнал, что жена ждет ребенка. И отец, и мать молились, чтобы Бог послал им сына, и 30 мая 1672 года в час ночи Наталья Нарышкина родила крупного и здорового на вид мальчика. Ребенка нарекли в честь апостола Петра. Царственный младенец явился на свет с хорошим весом и нормального роста, крепеньким, с материнскими черными, чуть татарскими глазами и с темно-рыжим хохолком. По старинному русскому обычаю (он назывался «снятие мерки») заказали икону, изображавшую Святого Петра, покровителя новорожденного, — «Апостол Петр и Святая Троица», и размеры этой иконы (19¹/₄ на 5¹/₄ дюйма) в точности соответствовали «габаритам» младенца*.

Когда торжественные звуки большого колокола на звоннице Ивана Великого в Кремле возвестили о рождении царевича, в Москве началось ликование. Гонцы понесли эту весть во все русские города, а в Европу отправились специальные послы. С белых кремлевских стен три дня гремел пушечный салют и неумолчно звонили колокола сорока сороков московских церквей.

Алексей был бесконечно счастлив рождением сына и самолично следил за приготовлениями к всенародному благодарственному молебну в Успенском соборе. После молебна Алексей повысил в чине Кирилла Нарышкина, отца Натальи, и Матвеева, ее

опекуна, а затем собственноручно потчевал гостей водками и винами.

29 июня, в день Святого Петра по православному календарю, когда царевичу исполнилось четыре недели, его крестили. Ребенка вкатили в церковь в колыбели на

* По данным М. М. Богословского, с новорожденного была снята мерка, и на третий день иконописец Симон Ушаков начал писать икону на кипарисной доске длиной в 11 и шириной в 3 вершка (в «меру» Петра). (*Богословский М. М. Петр I. Т.Д. М., 1940. С. 15*). Иначе говоря, «габариты» новорожденного составляли 48,95 см в длину и 13,35 см в ширину (в вершке — 4,45 см). — *Ред.*

42

колесиках по дорожке, окропленной святой водой. Над купелью его держал Федор, старший сын царя*, а крестил собственный духовник Алексея. На следующий день царь устроил пир для боярства, купечества и других сословий из числа жителей Москвы, которые толпами стекались в Кремль с подношениями по случаю рождения царевича. Столы украшали громадные сахарные головы, изображавшие орлов, лебедей и других птиц; была даже замысловатая сахарная модель Кремля с крошечными фигурками людей. В личных покоях, расположенных над пиршественными залами, царица Наталья отдельно принимала боярских жен и дочерей, оделяя их на прощание полными блюдами сладостей. В скором времени героя всех этих празднеств в сопровождении собственного небольшого штата домашней прислуги перевели в предназначенные ему покои. При нем были нянька, кормилица — «добронравная и чистоплотная женщина со сладким и полезным для здоровья молоком»⁴ и целая свита карликов, специально обученных прислуживать царским детям и играть с ними. Когда Петру исполнилось два года, он со своей свитой, к которой теперь прибавилось еще четырнадцать дворянок для услуг, переселился в более нарядные кремлевские палаты с темно-красными штофными обоями, где стояла мебель, обитая малиновой тканью с золотым и ярко-синим узором. Одежду Петра — все эти кафтанчики, рубашечки, камзолчики, чулочки и шапочки — кроили из шелка, атласа и бархата, расшивали золотом и серебром, а застёжки и завязки разукрашивали жемчугами и изумрудами.

Любящая мать, гордый сыном отец и довольный Матвеев наперебой осыпали ребенка подарками, и скоро детская Петра едва вмещала множество искусно сделанных игрушек и моделей. В одном углу стояла резная

* Добавим, что крестной матерью Петра была сестра Алексея Михайловича, царевна Ирина. — *Ред.*

43

деревянная лошадка с усыпанной изумрудами уздечкой и кожаным седлом, украшенным серебряными гвоздиками. На столе возле окна лежала книга с цветными картинками — работа шестерых мастеров-иконописцев. Из Германии для царевича доставили музыкальные ящики и маленькие изящные клавикорды с медными струнами. Но с самого раннего детства Петр предпочитал военные игрушки и игры. Он любил бить в тарелки и барабаны. На столах, на стульях, на полу в детской грудями лежали игрушечные солдатики и крепости, миниатюрные пики и сабли, аркебузы и пистолеты. У изголовья кровати Петр держал самую любимую игрушку - модель корабля, которую Матвеев купил для него у какого-то иностранца.

Смышлелый, живой и шумный, Петр развивался очень быстро. Обычно дети начинают ходить примерно в годовалом возрасте, он же пошел в семь месяцев. Отец любил брать маленького крепыша-царевича с собой на прогулки по Москве и на загородные царские дачи. Иногда они ездили в Преображенское, где Матвеев построил летний театр. Это тихое место на Яузе за Немецкой слободой больше всего нравилось Наталье. Но чаще Петра возили в огромный дворец в Коломенском.

То было архитектурное диво времен Алексея — огромное здание, целиком построенное из дерева, слыло у русских восьмым чудом света. Возведенный на высоком холме над излуциной Москвы-реки дворец казался экзотическим нагромождением чешуйчатых куполов-луковок, шатровых крыш, башен, похожих на крутые пирамиды, полукруглых арок, сеней, лестниц с ажурными перилами, балконов и крылечек, аркад, внутренних дворов и ворот. Петру и его сводному брату Ивану было отведено отдельное трехэтажное здание с двумя остроконечными башенками. Хотя снаружи казалось, что дворец по чьей-то безумной прихоти составлен, как из лоскутов, из разных элементов древнерусской архитектуры, он имел, для

своего времени, немало удобств. Там были

44

мыльни не только для членов царской семьи, но даже для слуг. (Кстати, в Версальском дворце, построенном почти тогда же, не было ни ванн, ни туалетов.) Свет, проникавший внутрь через три тысячи слюдяных окон, освещал все двести семьдесят комнат дворца, отделанных в современном для той эпохи светском стиле. Яркие красочные росписи украшали потолки, на стенах висели зеркала и бархатные драпировки, перемежаясь с парсунами, изображавшими Юлия Цезаря и Александра Македонского. Усыпанный самоцветами серебряный трон, сидя на котором Алексей принимал гостей, с двух сторон охраняли гигантские бронзовые львы. Стоило царю дернуть за рычаг, как механические звери начинали вращать глазами, разевали пасти и выпускали хриплый металлический рев*.

Наталья предпочитала лишенную условностей жизнь в загородных дворцах официальной рутине Кремля. Тяготясь духотой закрытого царицына возка, она стала — при народе! — поднимать занавески и скоро, сидя в открытом экипаже вместе с мужем и сыном, уже ездила за город и обратно, а однажды даже участвовала в торжественной процессии. Ради Натальи Алексей старался принимать иностранные посольства не в Кремле, а в Коломенском, где ей было удобнее наблюдать за церемониями. В 1675 году поезд прибывшего австрийского посла специально замедлили напротив царицыного окна, чтобы она успела все как следует разглядеть. Этому же дипломату, пока он ожидал представления царю, посчастливилось увидеть царевича: «Дверь внезапно отворилась, и за ней на мгновение показался Петр, трехлетний кудрявый мальчик, державшийся за руку матери».

Позднее в том же году Петр часто появлялся на людях. Алексей велел изготовить несколько больших позолоченных придворных карет, какие приняты были

* В 1771 г., ровно через сто лет после постройки, знаменитый деревянный дворец снесли по указу Екатерины Великой.

45

у других европейских монархов. Матвеев, отлично умевший угодить, тут же заказал миниатюрную копию одной из карет и преподнес ее Петру. Этот крохотный возок «с золочеными украшениями, запряженный четверкой карликовых лошадок, на подножках которого ехали четыре лилипута, а еще один стоял на запятках», вызывал неизменный восторг зрителей во время парадных выездов.

Алексей прожил с Натальей Нарышкиной пять лет. У них родился второй ребенок — дочь, названная Натальей в честь матери, и еще одна дочь, которая умерла, едва появившись на свет. Их брак сильно сказался на придворном климате. Суровый, болезненно-религиозный дух начала царствования Алексея уступил место новой, более непринужденной атмосфере, когда с готовностью воспринимались западные идеи, развлечения и технические новшества. Но сильнее всего этот брак повлиял на самого царя. Женитьба на Наталье и возродила, и умиротворила его. Последние годы жизни оказались для царя самыми счастливыми.

❧❧❧

Петру было всего три с половиной года, когда его младенческая жизнь вдруг утратила безмятежность. В январе 1676 года, на Крещение, здоровый и полный сил сорокасемилетний царь Алексей присутствовал на ежегодной церемонии Водосвятия на Москве-реке. Отстояв на морозе всю долгую службу от начала до конца, он простудился. Через несколько дней царю пришлось неожиданно покинуть кремлевский театр посреди представления и лечь в постель. Поначалу недуг не казался опасным, однако больному становилось все хуже, и через десять дней, 8 февраля, царь Алексей скончался.

Мир Петра разом перевернулся. Если прежде он был обожаемым сыном своего царственного отца, который до безумия любил его мать, то теперь царевич превратился в потенциально опасного отпрыска второй жены

покойного царя. Престол наследовал пятнадцатилетний Федор, полуинвалид, старший из выживших сыновей Марии Милославской. Хотя Федор бесконечно болел, в 1674 году Алексей провозгласил его совершеннолетним, признал наследником и в этом качестве

представил своим подданным и иностранным послам. Тогда это казалось лишь формальностью: здоровье Федора было столь хрупким, а Алексей, напротив, выглядел таким бодрым и крепким, что мало кто предполагал, будто хилый сын переживет отца и сменит его на престоле.

Но именно так и случилось: Федор стал царем, и маятник власти вновь качнулся от Нарышкиных к Ми-лославским. Хотя из-за распухших ног Федор не мог идти сам и на коронацию его пришлось нести, ни малейшего противодействия его вступлению на престол оказано не было. Милославские, ликуя, хлынули на прежние должности. Сам Федор не питал недобрых чувств к мачехе, Наталье, или к маленькому сводному брату, Петру, но царю было всего пятнадцать лет, и он не мог твердо противостоять давлению родственников — Ми-лославских.

Во главе их клана стоял дядя царя, Иван Милослав-ский, который поспешно оставил пост астраханского воеводы, чтобы сменить Матвеева на должности первого министра. Ожидалось, что сам Матвеев, как предводитель партии Нарышкиных, отправится в почетную ссылку. Такого рода меры, обычно сопровождали колебания маятника власти — в свое время Милославского отослали в Астрахань, теперь другим пришел черед потесниться. Поэтому царица Наталья опечалилась, но не роптала, когда ее приемному отцу приказали ехать в Сибирь на должность воеводы Верхотурья — уезда на северо-востоке этой необъятной земли. Но она возмутилась и ужаснулась, узнав, что по пути к месту службы Матвеева нагнали новые распоряжения Ивана Милославского: велено было его арестовать, лишить всего состояния и

47

препроводить как государственного преступника в Пус-тозерск, отдаленный городишко за Полярным кругом. (На самом деле страх Ивана Милославского перед грозным соперником заставил его пойти еще дальше: он пытался добиться для Матвеева смертного приговора, обвинив его в расхищении казны, в колдовстве и даже в попытке отравить царя Алексея. Однако как ни принуждал Милославский молодого царя, Федор отказался утвердить смертный приговор, и Ивану довелось лишь позаботиться об узилище для Матвеева.)

Потеряв своего могущественного защитника и других изгнанных с должностей сторонников, Наталья отошла в тень. Поначалу она боялась за детей — ведь ее сын Петр был главной надеждой нарышкинской партии. Но ео временем царица успокоилась: жизнь ребенка царской крови все еще почиталась священной, а Федор был неизменно добр и полон сочувствия к членам второй семьи своего отца, внезапно попавшим в положение бедных родственников. Они остались жить в Кремле и уединились в своих покоях. Там Петр и делал свои первые шаги в учении.

В те времена жители Московии, даже дворянство и духовенство, были в большинстве неграмотны. Образованность знати, как правило, ограничивалась умением читать и писать и кое-какими познаниями из истории и географии. Освоение грамматики, математики, иностранных языков, без которых не одолеть церковную премудрость, было уделом одних только ученых богословов. Но встречались и исключения: двое из детей царя Алексея, Федор и его сестра, царевна Софья, вверенные знаменитым богословам из Киева, получили основательное классическое образование и научились иностранным языкам, обязательным для истинно просвещенных москвитов XVII века, — латыни и польскому.

Начальное обучение Петра было попроще. Еще при жизни отца трехлетний царевич получил первый букварь, чтобы познакомиться с азбукой. Когда ему испол-

48

нилось пять лет, царь Федор, который приходился Петру не только сводным братом, но и крестным отцом, сказал Наталье: «Пора, государыня, учить крестника»⁷.

Наставником царевича назначили Никиту Зотова, подьячего Поместного приказа*. Зотов, человек добродушный, разумевший грамоту, большой знаток Священного писания, ученым, однако, вовсе не был, и новое назначение его ошеломило. Трясаясь от страха, он предстал перед царицей, подле которой стоял Петр. «Знаю, что ты доброй жизни и в Божественном писании искусен, — проговорила она, — вручаю тебе моего единственного сына». Зотов залился слезами и, дрожа от страха, повалился к ногам царицы со словами: «Недостоин я,

матушка-государыня, принять такое сокровище!» Наталья ласково подняла его и сказала, что занятия с царевичем должны начаться завтра. Чтобы подбодрить Зотова, царь Федор приказал отвести ему покои в Кремле и пожаловал младшим дворянским чином, царица подарила две полные смены новой одежды, а патриарх — сто рублей⁸.

На следующее утро Зотов дал Петру первый урок под надзором царя и патриарха. Новые учебники окропили святой водой, учитель низко поклонился маленькому ученику, и урок начался. Прежде всего Зотов взялся за алфавит, а затем перешел к Псалтыри и Библии. Длинные отрывки из Священного писания, впитанные детской памятью Петра, сохранились в ней навсегда и даже сорок лет спустя он мог читать их наизусть. Царевича научили величественным русским церковным песнопениям, и он очень полюбил это искусство. Позднее, путешествуя по России, Петр часто заходил в деревенские церкви послушать службу. Он обычно направлялся

* Зотов был дьяком Владимирского судного приказа и, по некоторым данным, еще до него кто-то начал заниматься с царевичем. - *Ред.*

49

прямо к хору и присоединял свой громкий голос к общему пению*.

От Зотова требовалось всего только научить Петра читать и писать, но ученик не желал на этом останавливаться. Мальчик без конца готов был слушать новые и новые рассказы из русской истории ~ о героях, знаменитых сражениях. Когда Зотов обратил внимание царв-цы Натальи на то, с каким воодушевлением учится ее сын, она заказала гравировальщикам — мастерам Пушкарского приказа — изготовить книги с цветными иллюстрациями, «кунштами», изображающими иноземные города и дворцы, корабли под парусами, разнообразное оружие и сцены из истории. Зотов держал эти книги в комнате царевича и, когда тот утомлялся от обычных уроков, они принимались разглядывать и обсуждать разные картинки. В классную комнату Петра перенесли я гигантский, выше человеческого роста, глобус, присланный царю Алексею из Западной Европы. Нанесенные на нем очертания Европы и Африки отличались удивительной точностью. Восточное побережье Северной Америки тоже было передано верно, в том числе Чесапикский залив, Лонг-Айленд, полуостров Кейп-Код, но чем дальше к западу, тем дело обстояло хуже — например, Калифорния изображалась в виде острова, отдельно от остального континента.

Так, изо дня в день занимаясь с царевичем, Зотов заслужил его глубокую привязанность, и до самой смерти своего наставника Петр старался не разлучаться с ним. Зотова часто упрекают в том, что из-за него будущий царь не получил достойного образования. Но здесь уместно напомнить, что во времена уроков Зотова Петр мог претендовать на престол только в третью очередь —

* По воспоминаниям современника Петра Н.И.Кашина, у дая был голос «сипловатый, не тонок и не громогласен» (см. Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. Париж-Москва-Нью-Йорк, 1993. С. 127). - *Ред.*

50

после обоих своих сводных братьев, Федора и Ивана. К тому же его образование, хотя и не строго-классическое, как у Федора и Софьи, все же было гораздо лучше, чем у среднего русского дворянина. А самое главное - при том складе ума, каким природа наделила Петра, именно такой способ обучения и оказался, по-видимому, наиболее подходящим. Склонностей к чисто научным занятиям он не проявлял, но был необыкновенно открыт и любознателен, а Зотов всячески поощрял его пытливость — вряд ли кому-нибудь удалось бы добиться большего. Удивительно, но факт: когда царевич, будущий император, достиг зрелости, оказалось, что по большому счету он всему научился сам. С малых лет он самостоятельно выбирал, чем ему заниматься, а чем нет. Петра Великого создали не родители, не наставники и не советники — он вышел из той формы, которую отлил для себя сам.

ОШО

Так, деля время между уроками и играми, то в Москве, то в Коломенском, Петр тихо прожил все шесть лет царствования Федора, с 1676 по 1682 год, Федор очень напоминал отца — мягкий, незлопамятный, достаточно эрудированный, недаром его воспитанием занимались ведущие ученые того времени. К несчастью, болезнь, что-то наподобие цинги, нередко приковывала его к постели.

И все же Федор сумел провести одно важнейшее преобразование — отменил средневековую систему местничества, тяжким бременем лежавшую на государственном управлении. Суть ее заключалась в том, что дворянин мог принимать назначение на гражданскую должность или в армию, только если оно соответствовало его месту в иерархии знати. Чтобы доказать свою знатность, каждый берег родовые грамоты, как зеницу ока. Без конца происходили стычки между местничавшими, и было совершенно невозможно назначить способного человека на ответственную должность, потому что дру-

51

гие, имевшие более высокое происхождение (и соответственно, место в иерархии), отказывались служить под его началом. При этой системе, пышным цветом расцветала чуть не поголовная непригодность к делу: в XVII веке, чтобы выставить хоть сколько-нибудь боеспособную армию, царям приходилось на время военных действий отменять местничество, объявляя, что пока идет война чины и звания будут распределяться «без мест».

Федор задумал превратить эти временные меры в постоянные. Он назначил комиссию, которая рекомендовала отменить местничество навсегда, а затем созвал Земский Собор — большой совет бояр и духовенства — и уже от своего имени настаивал на отмене этой системы ради блага государства. Его с воодушевлением поддержал патриарх, бояре же — подозрительные, из всех сил цеплявшиеся за свои драгоценные привилегии, — согласились с неохотой. Федор приказал собрать родовые грамоты, разрядные книги — словом, все документы, что относились к чинам и местничеству. На глазах у царя, патриарха и членов Собора эти документы связали в кипы, вынесли в один из кремлевских внутренних дворов и побросали в костер. Федор провозгласил, что отныне должности и власть будут распределяться не по праву рождения, а по заслугам — этот принцип Петр позднее положит в основу своей системы военного и гражданского управления. Теперь же, по иронии судьбы, многие бояре, глядя, как их древние привилегии превращаются в пепел, в душе проклинали Федора и Милославских и подумывали о юном Петре как о возможном спасителе прежнего уклада.

Хотя за свою короткую жизнь Федор успел жениться дважды, наследника он не оставил. Первая его жена умерла родами, а через несколько дней умер и новорожденный сын. Смерть этого младенца и быстро ухудшавшееся здоровье Федора не на шутку встревожили Милославских, и они принялись уговаривать царя жениться снова. Он согласился, невзирая на предостережения

52

докторов о том, что брачные удовольствия могут его погубить, потому что приглядел для себя одну веселую, резвую четырнадцатилетнюю девушку, Марфу Апраксину. Милославских выбор царя не обрадовал, еще бы — она приходилась крестницей Матвееву и поставила условием свадьбы, чтобы боярина, томившегося в заточении, помиловали и вернули ему все имущество, и Федор согласился. Но прежде, чем крестный отец царицы Марфы успел добраться до Москвы и обнять новобрачную, царь умер — всего два с половиной месяца спустя после свадьбы.

Со времен восшествия на престол Михаила Романова в 1613 году каждому царю наследовал старший из здравствующих его сыновей: Михаила сменил на троне Алексей, Алексея — Федор. Перед смертью царь официально представлял старшего сына народу и объявлял его наследником престола, однако Федор ушел, не оставив сына и не назначив наследника.

Здравствующих претендентов на трон было двое — шестнадцатилетний Иван, родной брат Федора, и десятилетний Петр, его сводный брат. При обычных обстоятельствах, несомненно, выбор пал бы на Ивана, который не только был шестью годами старше Петра, но родился от первого брака Алексея. Однако Иван был почти слеп, хром и косноязычен, в то время как Петр был живой, румяный, крупный для своих лет мальчуган. А главное, бояре понимали, что кто бы из царевичей ни взойшел на престол, реальная власть окажется в руках регента. Многие бояре, к тому времени настроенные уже против

Милославского, предпочитали ему Матвеева, который в случае воцарения Петра и при номинальном регентстве царицы Натальи взял бы бразды правления в свои руки.

Судьба трона решилась сразу же после прощания бояр с царем Федором. Один за другим они проходили мимо ложа, на котором покоился усопший царь, останавливаясь, чтобы поцеловать его восковую холодную руку. Затем патриарх Иоаким с епископами вошел в

заполнен-

53

ную людьми тронную палату и спросил, как требовал обычай: «Кому из двоих быть на царстве?» Возник спор: некоторые поддерживали Милославских, утверждая, что у Ивана больше прав на престол, другие настаивали, что неразумно снова вверять управление страной недужному. Страсти накалились и, наконец, перекрывая общий гам, раздался крик: «Пусть народ решает!»

Упоминание о «народе» означало, что царя должен избрать Земский собор, съезд представителей знати, купечества, посадских людей из всех уездов и городов Московского государства. Именно Земский собор в 1613 году уговорил первого Романова, шестнадцатилетнего Михаила, принять престол, а в другом случае утвердил Алексея его наследником. Но чтобы созвать такое собрание, требовалось несколько недель, так что в той ситуации под «народом» следовало понимать толпы москвичей, сгрудившихся под окнами дворца. Ударили колокола Ивана Великого, и патриарх с архиереями и боярами вышел на Красное крыльцо. Оглядев толпу на Соборной площади патриарх прокричал: «Блаженной памяти царь Федор Алексеевич преставился с миром... Иных наследников, кроме своих братьев, царевичей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, государь не оставил. Кому из них быть на царстве?» Раздались громкие выкрики: «Петру Алексеевичу!» — и несколько возгласов: «Ивану Алексеевичу!» Но голоса в пользу Петра становились все громче, заглушая все остальное. Патриарх поблагодарил и благословил народ. Выбор был сделан*.

Во дворце ожидал новоизбранный государь — круглолицый, загорелый мальчик с коротко остриженной

* В действительности все было сложнее. Ожесточенная борьба за власть двух главенствующих группировок знати — партии Нарышкиных и партии Милославских - завершилась воцарением Петра не благодаря тем, кто громче кричал на площади, а благодаря позиции, занятой патриархом Иоакимом, осуществлявшим в период междуцарствия высшую власть в стране. Он же склонился^ на сторону Нарышкиных и тем самым нарушил традицию передачи власти по старшинству. — *Ред.*

54

кудрявой головой, большими черными глазами, пухлыми губами и родинкой на правой щеке. Когда патриарх приблизился к нему и заговорил, Петр от смущения залился румянцем. Глава церкви официально объявил о кончине царя Федора и о том, что на царство избрали его, Петра, и заключил свою речь так:

«От всего православного народа прошу тебя быть нашим государем». Сначала царевич отказался, сославшись на то, что слишком молод — брат его старше и будет лучшим правителем. Но патриарх настаивал: «Государь, не отвергай нашей мольбы!»

Петр молчал и краснел все сильнее. Шли минуты. Наконец присутствующим стало ясно, что молчание Петра означает его согласие.

Итак, решено, Петр теперь царь, его мать будет регентшей, а править станет Матвеев. Так и думали все, кто был в Кремле к концу этого дня, полного суматохи и тревожных. Но никому не пришлось в голову принять в расчет царевну Софью. И напрасно.